

В. М. Кириллин (Москва)

ГРАФИКО-ОРФОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РУКОПИСНОГО ИСТОЧНИКА: К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ КРАТКОЙ РЕДАКЦИИ «ПОВЕСТИ О НОВГОРОДСКОМ БЕЛОМ КЛОБУКЕ»

Совсем недавно был обнаружен новый список краткой редакции «Повести о новгородском белом клобуке», — древнерусского литературного памятника, который хорошо известен по рукописям второй половины XVI—XVII в. в распространенной и краткой версиях¹. Этим новым списком «Повести» оказались отделенные друг от друга листы из собрания рукописных книг Ф. Ф. Мазурина, хранящегося в РГАДА: три листа, содержащие начало «Повести», числятся в описи собрания 1 под № 1281, и один лист, с концом «Повести», числится в описи 3 под № 80. Означенная находка сделана сотрудником РГАДА И. Л. Жучковой. На ее основании и вместе с ее археографическим описанием исследовательница подготовила текст «Повести» к публикации в 11-м выпуске научного сборника «Славяне и их соседи»². Кроме того, информация об этом источнике будет помещена в очередном томе Каталога рукописных книг из собраний РГАДА³. И. Л. Жучкова любезно предоставила мне возможность познакомиться и с обнаруженной ею копией «Повести», и со своими размышлениями о времени ее составления. Кроме того, она позволила мне еще до выхода в свет собственной работы говорить о ней. И я чрезвычайно благодарен уважаемой исследовательнице.

Однако выводы, к которым она пришла, как будто полностью зачеркивают разработанную мною и частично уже обнародованную гипотезу относительно составления краткой редакции «Повести о новгородском белом клобуке» после 1526 г., когда святитель Макарий был возведен на Новгородскую кафедру, и, весьма вероятно, в 50-е годы XVI в., в связи с соборными догматическими дискуссиями 1551 и 1553—1554 г.⁴ Этим и вызвано мое специальное обращение к новому списку.

Действительно, вновь выявленные листы с «Повестью» имеют филигрань — «голова быка». По мнению И. Л. Жучковой, последняя близка к филигране, которая опубликована в альбоме Н. П. Лихачева под № 2730 как характеризующая бумагу рукописи из Румянцевского собрания № 85 и которую палеограф предположительно, поскольку указанная рукопись не датирована, относил «к концу первой четверти XVI в.». Исследовательница, кроме того, обнаружила сходную, но, по ее признанию, более схематичную филигрань у Брикe — № 15393, относящуюся к 1507 г. Все это дало ей возможность утверждать, что «найденный Мазуринский список Повести о белом клобуке является самым ранним среди всех известных до настоящего времени»,

¹ Розов Н. Н. Повесть о новгородском белом клобуке как памятник общерусской публицистики XV в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1953. Т. IX. С. 178—219; Розов Н. Н. Повесть о новгородском белом клобуке (идейное содержание, время и место составления) // Русская литература / Ученые записки ЛГУ. № 173. Серия филологических наук. Вып. 20. Л., 1954. С. 307—327.

² Этому обстоятельству нельзя не порадоваться, ибо краткая версия «Повести» была издана лишь однажды и в несколько ином варианте (Назаревский А. А. Отчет о занятиях в Воронежском губернском музее (24—27 июля 1911 года) // Университетские известия. № 8 — август. Часть II — неофициальная. Киев, 1912. С. 36—40 / Раздел «Научная хроника». Пункт IV), в отличие от пространной (Памятники старинной русской литературы. СПб., 1860. Вып. 1. С. 287—300 / текст подготовлен Н. И. Костомаровым; ПЛДР: Середина XVI века. М., 1985. С. 198—233 / Подг. текста Н. Н. Розова).

³ Жучкова И. Л., Морозов Б. Н., Мошкова Л. В. Каталог рукописных книг XVI в., хранящихся в РГАДА / Под ред. Л. В. Мошковой. Ч. 1. М. В печати.

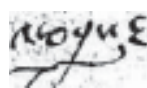
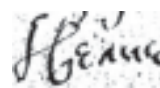
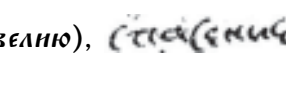

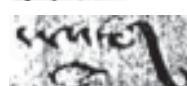
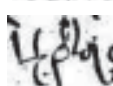
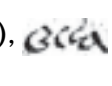
⁴ Кириллин В. М. Повесть о новгородском белом клобуке / «София». Издание Новгородской епархии. 2003. № 3. С. 35—37; Время возникновения краткой редакции «Повести о новгородском белом клобуке» и ее общественное значение // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. № 4 (14). Декабрь. 2003. С. 32—34; «Повесть о новгородском белом клобуке»: время происхождения и соотношение первых редакций // Герменевтика древнерусской литературы. Вып. 11. М. В печати.

и на этом основании высказать предположение, что «если традиционно связывать написание повести с архиерейской кафедрой, то время ее возможного создания падает на конец правления архиепископа Серапиона и на 17-летний период междуархиерейства (1509—1526)».

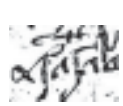

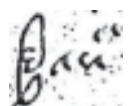
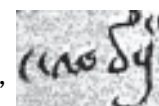
Таким образом, мне вроде бы остается лишь признать эту новую точку зрения, отказавшись от собственных построений. Тем не менее, визуально познакомившись с найденным И. Л. Жучковой списком, я не могу не усомниться в правоте ее предположений.

Так, уже весьма сильное подозрение вызывает почерк составителя вновь найденного источника. Это скоропись довольно беглого и вместе с тем неряшливого характера. И таковую, действительно, по многим приметам можно отнести к XVI в. Однако в ней также наблюдаются черты позднейшего письма, позволяющие точнее определить раннюю границу появления этого источника.

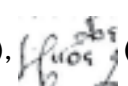
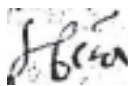
Прежде всего, отчетливо видно, что писец допускал начерки, которые, как установлено специалистами по древнерусской графике, могли возникнуть в скорописи лишь после середины XVI в. Так, согласно наблюдениям В. Н. Щепкина, «во второй половине XVI в. наряду со старыми начерками ю и па, я... появляются варианты чисто скорописные — ю в виде о с крючком вверх, па, я в виде а с крючком вверх»⁵. И создатель Мазуринского списка подобным же образом выписывает указанные буквы:

 (люде), (велию), (спасенню); (так),
 (имя), (царя), (вса). В. Н. Щепкин, кроме того, утверждал, что

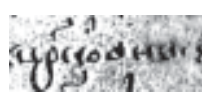
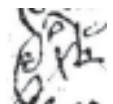
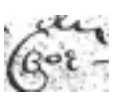
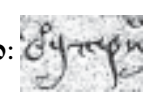
лишь «к середине XVI в.» в скорописи появляется «надстрочное нетитлованное н и такое же к»⁶. И в исследуемом источнике изредка, вместе с частыми титлованными, встречаются подобные графемы:

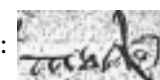
 (аглаз — с ошибкой!), (амин), (вели), (клобу).

Очень важным применительно к предлагаемому здесь анализу представляется мне вывод известного палеографа относительно «связных написаний» строчных букв. Он, например, полагал, что только «в царствование» Ивана Грозного «входит в употребление» неразрывное сочетание *и* и *в*⁷. Но такое сочетание не раз встречается в Мазуринском списке. Помимо вышеуказанного, например,

 (и воложи), (и в кое), (и вса). Правда, теперь установлено,

что подобное сочетание употреблялось еще в скорописи XV в., характеризуясь, однако, иными начерками⁸. В рассматриваемой же рукописи наряду с ним обнаруживаются также сочетания *цр*:

 (црковныи), *вс*: (всехъ), *св*: (свое), *во*: (вотри),

же: (тжи же). Замечу при этом, что согласно другому известному палеографу —

Л. В. Черепнину, подобные связные написания опять-таки были типичны как раз для скорописи XVII в.⁹ Кстати, Л. В. Черепнин вслед за В. Н. Щепкиным отмечал свойственную именно скорописцам XVII в. высокую степень вариативности в начерках одних и тех же букв в рамках

⁵ Щепкин В. Н. Русская палеография. 3-е дополн. изд. М., 1999. С. 152.

⁶ Там же.

⁷ Щепкин В. Н. Русская палеография. С. 152.

⁸ Шульгина Э. В. Русская книжная скоропись XV века // История и палеография. Сб. статей. М., 1993. С. 266.

⁹ Черепнин Л. В. Русская палеография. М., 1956. С. 369—371.